

лищной культуры. Это не просто обобщающий итог изучения гуляний, но принципиально новое проникновение в природу площадного искусства, работа, раскрывающая перспективы дальнейшего исследования вынесенной в заглавие книги темы.

А. М. Конечный

Л. А. Чибиров. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. 218 с.

Обычаи и воззрения народов Кавказа вплоть до начала XX в. во многом сохраняли архаические черты, связанные с общественными отношениями и идеологией глубокой древности. В силу этого кавказская этнография привлекала и продолжает привлекать к себе внимание исследователей, занятых изучением ранних форм культуры народов мира.

В рецензируемой книге автор поставил задачу обобщить и проанализировать данные, которые позволяют воссоздать мир архаических представлений, отразившихся в традиционной культуре осетин. Чтобы преодолеть трудности в интерпретации пережиточных явлений, Л. А. Чибиров сопоставляет этнографические сведения с нартовским эпосом и фольклором осетин, с обычаями и верованиями других, преимущественно кавказских, народов, привлекает данные археологии и сообщения античных авторов.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения.

Первая и самая большая по объему глава посвящена анимистическим верованиям осетин: «Одухотворение человеком предметов и явлений природы было той первоосновой, из которой и развились религиозные представления» (с. 5). Л. А. Чибиров убедительно показывает, сколь разнообразными были анимистические воззрения осетин. В фольклоре звучат даже отголоски ранней формы анимизма — веры во «всеобщую безличную одухотворенность окружающей природы» (с. 18), уподобляющей предметы и явления природы человеку. Чудесными свойствами наделены в верованиях отдельные предметы — котел, чаша, свирель, оружие. К ранней стадии анимизма, по мнению автора, относятся также и представления о возможности человека превратиться в животное и наоборот.

С развитием анимистического миропонимания возникло понятие о душе. Рассматривая поверья осетин о душе, Л. А. Чибиров отмечает, что наиболее рельефно они проявляются в обрядах и представлениях, сопровождающих смерть человека. Эти поверья характеризуются глубоким архаизмом и консервативностью. Душа, извлеченная из тела ангелом смерти, в могиле должна вновь входить в тело и лишь после этого улетать на небо. Загробная жизнь воображалась как идеальное повторение земной; при этом благополучие душ умерших во многом зависело от живых. Поминальные обряды прежде всего предусматривали кормление души умершего. Покойнику посвящали коня, а вдова отрезала свою косу и клала ему на грудь, это означало, что она будет принадлежать мужу и на том свете. (Из этого обычая, впрочем, не следует, что в прошлом, как считает автор, «вместе с покойником и его конем хоронили и жену его» (с. 34). Приношение умершему пряди волос, известное многим народам древности, не является заменой человеческой жертвы). Как и многие народы, осетины верили в то, что души предков покровительствуют живым родственникам. На основе этих взглядов сложился культ предков, оказывавший большое влияние на быт осетин.

Характеризуя различные категории духов, автор отмечает веру осетин в двойственность отношения духов к людям: например, считалось, что бесы «хайраджыта» способны принести и добро и вред. Духи осетин в целом похожи на духов других народов, но некоторые из них наделены особым обликом, не имеющим четких этнографических аналогий. Таков, в частности, дух Гудыдырты-ком со ртом величиной от небес до земли, глотающий громовые удары и чудовищных змеев. Его почитали жители Алагирского ущелья, устраивая ему жертвоприношения в особый день.

В этой же первой главе интересен раздел, посвященный образам высшей мифологии. Христианство принесло осетинам целый ряд своих образов. Важное место в осетинском пантеоне занимают Уастырджи (Георгий), Уацилла (Илья), Фалвара (Флор и Лавр), Тутыр (Федор), Майрам (Мария, «богородица»). Все они второстепенные божества, о чем свидетельствует и название верховного бога — Хуыцаутты Хуыцау («бог богов»). Таким образом, осетины сохранили свою политеистическую религию, обновив пантеон персонажами, заимствованными из христианства, причем христианские образы вобрали в себя многие черты вытесненных ими местных богов. Мады Майрам (Мать Мария), например, сменила древнюю богиню домашнего очага Аfsин, которая ведала деторождением, заботилась о детях, покровительствовала брачным узам (с. 62). Религия осетин сохранила и немало исконных языческих божеств, наделенных конкретными функциями: Курдалагон — покровитель кузнечного дела, Аfsати — покровитель диких животных, Донбетыр — бог водного царства, Сафа — божество очага и надочажной цепи и т. д. Нарты, герои осетинского эпоса, очень близки к богам. Они дружат, рождаются, а иногда и воюют с богами. Эта близость позволяет предположить, что эпические герои в древности также считались божествами. Автор убедительно показывает, например, что в эпическом богатыре Сослане правомерно видеть солнечное божество (с. 71—73).

Во второй главе рассматривается культ животных, возникший, как пишет Л. А. Чибиров, на ранних стадиях исторического развития и входящий к тотемизму. В последующие эпохи новые формы человеческой деятельности и новые формы идеологии

